

Главное – самореализация, или Как не попасть в вакуум после детдома

Ирина Горьева – сирота, окончившая школу-интернат в Сыктывкаре и юридический факультет РУДН в Москве, смогла найти себя в банковской сфере. Хрупкая, но в то же время по-настоящему мужественная бизнес-леди рассказала о своей непростой жизни и пути к креслу генерального директора собственной компании.

Ксения Гусева, специально для проекта "Жизнь без преград"

Ирина Горьева – сирота, окончившая школу-интернат в Сыктывкаре и юридический факультет РУДН в Москве, смогла найти себя в банковской сфере. Хрупкая, но в то же время по-настоящему мужественная бизнес-леди рассказала о своей непростой жизни и пути к креслу генерального директора собственной компании Ксении Гусевой специально для проекта "Жизнь без преград".

- Ирина, расскажите, как вы попали в детский дом?

— У меня была неблагополучная семья. Отец сильно пил, и это было страшно. Он избивал всю семью. В какой-то момент мама не выдержала и в состоянии аффекта убила его. Нас было четверо детей в семье, и всех распределили в разные детские заведения. Самому маленькому — четыре месяца, его отправили в дом малютки. Пока шли суды, вместе со старшим братом меня возили по больницам, думая, в какой детский дом нас распределить. На тот момент мне было пять лет. В итоге отправили в школу-интернат №1 г. Сыктывкар. Сюда же спустя некоторое время перевели моих братьев и сестер.

- Какие были ощущения, когда вы оказались в школе-интернате?

— Я была очень счастливым ребенком. Возможно, потому, что дети умеют быстро переключаться. Мне очень везло с воспитателями, все было действительно по-доброму. Что касается социального благоустройства, все тоже замечательно. Но, несмотря на все

это, очень быстро, буквально скачком повзрослела. Я — человек-созерцатель, с детства любила наблюдать, смотреть.

В школе-интернате мы мало общались с домашними детьми. Но если это и случалось, я чувствовала, что они другие. Эти ребята казались очень интересными, более развитыми в интеллектуальном плане. У них всегда были хорошие сочинения, учителя их часто хвалили.

В рамках школы-интерната к нам приходили преподаватели. Но мы жили полностью в закрытой системе, и я считаю, что это плохо.

© Фото: Из личного архива Ирины Горьевой
Ирина Горьева

- А что особенно запомнилось из жизни в интернате?

— Это знаменитый интернат, который был известен еще на весь Советский Союз. Директор — уникальный педагог-новатор Католиков Александр Александрович. Когда я попала в интернат, Александр Александрович был инвалидом. Он лишился ноги, спасая детей при столкновении поезда и детского автобуса. На работе Александр Александрович был с шести утра до десяти вечера, посвящая воспитанникам почти все свое время, всю

свою жизнь. Он умер через два года после моего выпуска. Но до сих пор о нем помнят и говорят. Сейчас проходят "Католиковские чтения", когда педагоги собираются со всей республики для обсуждения и анализа его методик.

Их уникальность состояла в том, что он прививал любовь к труду детям с самого раннего возраста. При школе был детский лагерь отдыха и труда, куда мы ездили круглый год. Здесь ухаживали за цветниками, на полях (около 80 га) и в теплицах выращивали овощи, заботились о животных, заготавливали сено, собирали урожай. Это было огромное хозяйство, и мы учились всему. Даже сами делали различные заготовки, например, варенье. Собирать малину и смородину ездили в Кировскую область.

В то время никто из нас не мечтал об усыновлении, наслаждались своей жизнью. Я представляла себе порой, что кто-то захочет меня взять в семью, но всем своим существом не хотела этого. Более того, не желала, чтобы и мама забирала меня из интерната.

- Как складывалась ваша жизнь после выпуска из интерната?

— Признаться, мне было тесно в Сыктывкаре, хотелось достичь чего-то большого. А это маленький город со своими рамками. Совершенно случайно я решила сдать экзамены на юрфак в Российский университет дружбы народов в Москве, и переехала в столицу. Конечно, чувствовала эту ужасающую разницу между жизнью в интернате и новом социуме. В Москве увидела совсем других людей, здесь, вероятно, и почувствовала одиночество.

В школе оно ощущалось не так сильно. Я всегда была "в себе", но мне было все интересно, много занималась. К тому же была председателем совета старшеклассников, и Александр Александрович всегда просил ему помогать. Таким образом, в интернате я была посредником между детьми и взрослыми, организовывала детские мероприятия. Скучать было некогда.

© Фото: из личного архива А. Гезалова

Когда поступила в вуз, в 93-м, увидела, что уровень моих знаний уступает уровню детей дипломатов, которые тогда уже знали несколько иностранных языков. Старалась жить правильно, много читала, тренировала память. Хотела жить чистой жизнью. Поддержку нашла в церкви, которая дала мне понимание, что все нужно делать лучшим образом ради Бога. Но видела, как живут другие, и не могла этого принять. Слишком остро воспринимала это, переживала. В интернате всегда культивировалась чистота в отношениях между полами, запрещалось распивать спиртное. Нас так воспитывали. А в Москве я увидела буквально центр по торговле наркотиками. И первым местом, куда

меня поселили в общежитии, была комнатка, в которой жили мальчик и девочка. Мне это было очень странно видеть. Очень...

- Была ли какая-то социальная поддержка в то время, ведь это было начало 90-х?

— Очень слабая. Например, РУДН заключал договор только с одним магазином – с ГУМ-ом, а это самый дорогой магазин Москвы. Раз в год собирали толпой и вели туда за покупками. В первый такой поход выделенных денег хватило лишь на то, чтобы приобрести осенние туфли и костюм. На второй год я купила блузку и еще какую-то вещь. У меня не было теплой одежды до конца университета. Только перед выпуском я узнала, что имею право на получение пенсии за потерю кормильца... Также были талоны на питание в университетской столовой, но и их далеко не всегда было достаточно. Поэтому со второго курса работала: участвовала в рекламных акциях, анкетированиях в крупных магазинах.

© Фото: Из личного архива Ирины Горьевой
Ирина Горьева

- А ситуация с жильем?

— Я жила в университетском общежитии. За мной считалась закреплённой та самая квартира в деревне, из которой нас когда-то отправили в интернат. Она была в аварийном состоянии. Как юрист, я прошла все инстанции в Москве и в своём городе, были многолетние судебные тяжбы, но так и не получила никакого жилья. Обращалась за помощью к компетентным адвокатам, но, к сожалению, наши законы составлены таким образом, чтобы чиновники могли водить людей по замкнутому кругу из кабинета в кабинет. До сих пор снимаю квартиру и чувствую себя комфортно. Рядом с домом сажаю цветник. Жилья также нет и у моей сестры. Добился жилплощади только младший брат, который боролся за неё 10 лет. Ему выдали комнату в Сыктывкаре.

- Как сложилась судьба ваших родных?

— После первого тюремного срока у мамы был второй. После него я попросила, чтобы её устроили в мою же школу-интернат, и она проработала там около десяти лет. Потом перевезла её в Москву, здесь она устроилась на работу, но в тот момент мама уже была больна алкоголизмом. Таким образом, я столкнулась со всеми перипетиями, которые свойственны жизни с алкоголиками. Вместе с сестрой мы лечили её, но не смогли помочь. Она умерла три года назад.

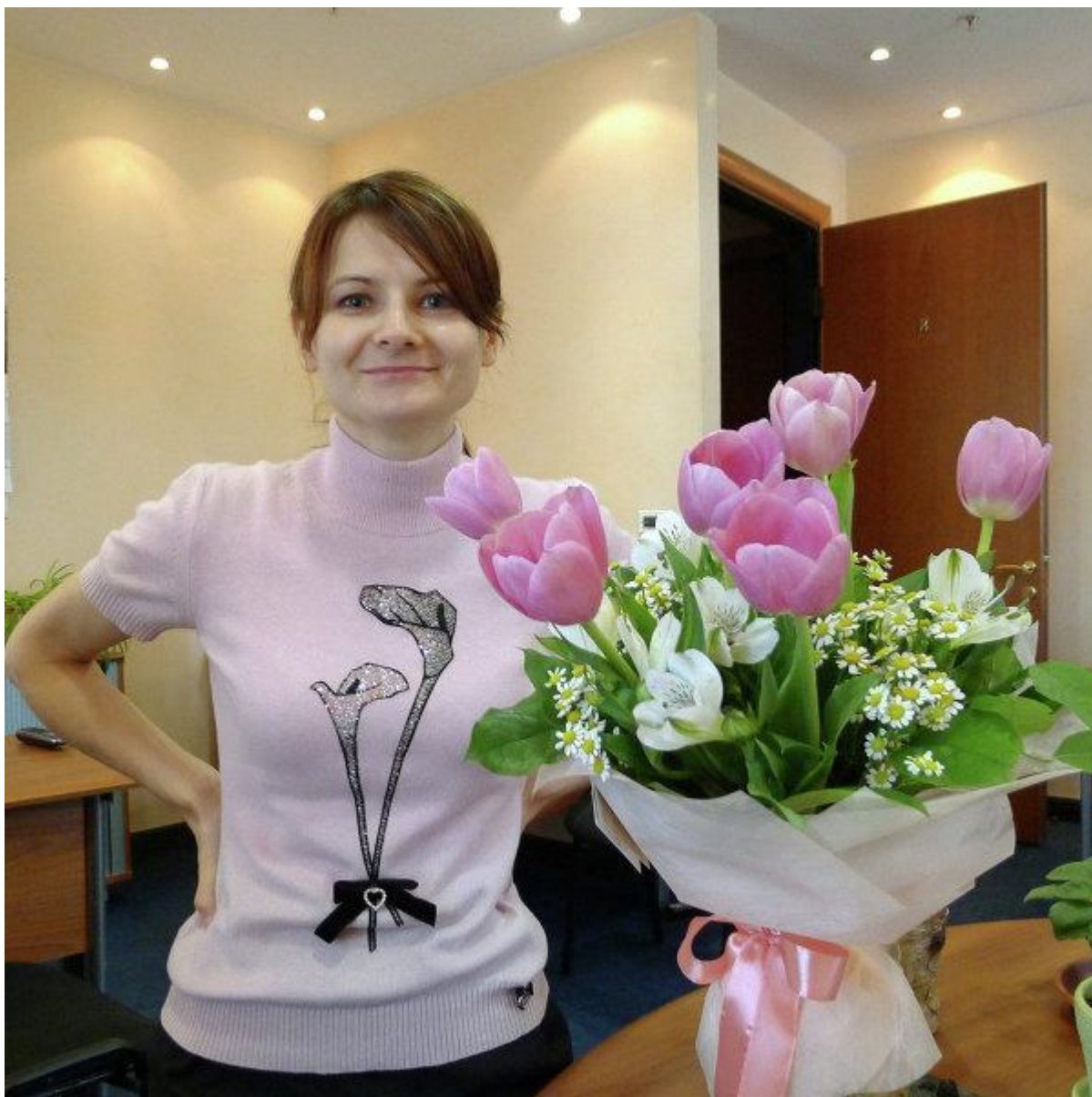
Старший брат после интерната поступил в Архангельский институт, два раза успел побывать в заключении, а позже мне сообщили, что он убит. Младшую сестру я привезла в Москву, помогла трудоустроиться. Сейчас у неё семья. Младший брат закончил училище, потом отслужил в армии и остался жить и работать в Сыктывкаре.

Много и других родственников, но они не хотят с нами общаться. Все отвернулись когда-то и от мамы, и от нас. Не всегда родственники бывают друзьями...

- Сейчас вы довольно успешная женщина...

— После выпуска из университета я работала юрисконсультантом в одном из коммерческих банков Москвы. Потом попала на должность технического помощника главы московского представительства университета штата Джорджия. Ещё шесть лет проработала в банковской системе, в том числе, возглавляя юридический департамент. А в 2006 году начала собственное дело, и сейчас я — генеральный директор и учредитель компании (кредитный брокеридж).

Я работаю в финансовой сфере, а здесь слабых людей нет. Для меня очень важна самореализация. Порой я думаю: "Как вообще все случившееся в моей жизни можно было вынести?". Бывает тяжело, но я живу дальше и стараюсь помогать людям. Практически все средства отдаю людям, оставляя себе минимум. Сама никогда не затрагиваю тему своего сиротства, не позволяю себя жалеть. Да и, как правило, не считаю нужным говорить об этом.

© Фото: Из личного архива Ирины Горьевой
Ирина Горьева

- Как вы считаете, какая помощь нужна детям-сиротам?

— Недавно я ездила в свой детский дом и, к сожалению, убедилась, что все изменилось. Из огромного интерната он превратился в маленькую лавочку, где очень мало детей. Многое встревожило. Сложилось такое ощущение, что никто не заинтересован ни в развитии детей, ни в развитии того огромного детского лагеря, в который было вложено столько труда и любви детьми и взрослыми.

Не думаю, что детским домам надо сейчас помогать деньгами или игрушками. Скорее, это должны быть нужные навыки. Моей отдушиной в детстве были танцы. Развивать в детях творческие способности – это очень важно. Что касается выпускников детских домов, то, конечно же, им необходима юридическая помощь. Сегодня благотворительность стоит переориентировать на помощь выпускникам. Когда ребенок выходит из детского дома – где ему жить? Моей первой зарплатой после вуза хватало только на оплату съемного жилья. А ведь нужно еще есть, одеваться. Более того, огромный стресс для ребенка – резкий переход: пока ты учишься в вузе или училище, у тебя есть жилье. А после выпуска – вакуум. И это страшно.

РИА Новости http://ria.ru/disabled_position/20130716/949839050.html#ixzz2sX2uwyh8